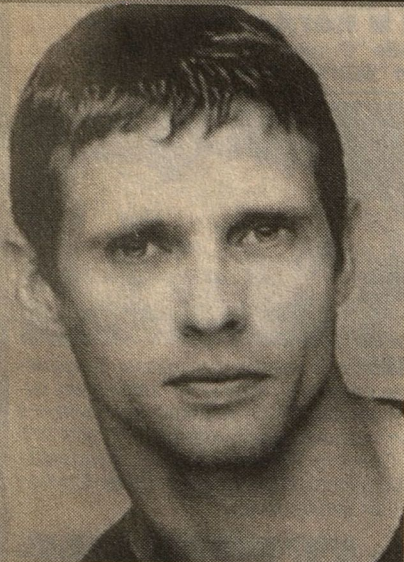

Ведущий Владимир КОТЫХОВ

Тел. 781-4702, 250-7272.

ФУЭТЕ

В Большом театре карьера танцовщика ЮРИЯ ПОСОХОВА складывалась удачно. Со стороны ему можно было только позавидовать — премьер главного театра страны, занятый почти во всех спектаклях Большого... И вдруг в 1992 году артист уезжает работать сначала в Датский королевский балет, а затем прочно обосновывается в балете Сан-Франциско. Казалось, в Большой он уже не вернется никогда, однако возвращение случилось. Москва снова увидела Посохова, но уже не танцовщика, а хореографа. В Большом театре с успехом прошла премьера его балета "Магриттомания".

— Юрий, а нужно ли было тогда, двенадцать лет назад, разрывать отношения с Большим?

— Я и не собирался их разрывать. Это произошло помимо моей воли, причем по классической схеме. Я написал заявление с просьбой предоставить мне годичный отпуск за свой счет, с тем чтобы в этот период поработать в Датском королевском балете, руководство которого мне предлагало контракт. Хотелось другой хореографии, новых постановок, но навсегда расставаться с Большим я и не думал. Но Юрий Николаевич Григорович заявление мне не подписал. И меня просто уволили за неявку на работу. Точно так же поступили с Иреком Мухамедовым, когда он решил уехать в Лондон, в "Ковент-Гарден".

— Что касается финансовой стороны контракта, это для вас было выгодное предложение?

— До тридцати лет я вообще не думал о деньгах — в отличие от нынешнего поколения артистов. Хватало на кусок хлеба, и замечательно, а чтобы копить на машину, квартиру — нет, такого не было. Я старомодный человек, жил и живу только танцем. Это сейчас у меня семья, жена, двое детей, и я понимаю, что мне нужно их содержать.

— Трудно было входить в чужую действительность?

— Сначала я боялся, думал, случится неизвестно что. Я не мог представить своей жизни на Западе. Раньше, когда мы ездили на гастроли с Большим в Европу или Америку, я порой задавал себе вопрос: смогу ли я здесь жить? И отвечал: нет, не смогу, все это не для меня, это исключено, невозможно, я никогда не впишусь в западный образ жизни. А когда это случилось, то оказалось все очень легко, я даже не предполагал, что будет так легко.

Я открывал для себя новую хореографию, о которой в Советском Союзе нельзя было и мечтать. Все оказалось интересно, насыщенно, ярко. А через два года меня пригласил в свою труппу руководитель балета Сан-Франциско Хельги Томассон. Он ставил в Дании "Спящую красавицу", я танцевал премьеру. Томассон подошел ко мне после спектакля и сказал, что хотел бы видеть меня в своей компании. Было еще предложение от Джона Ноймайера танцевать в его труппе в Гамбурге, но я выбрал Сан-Франциско.

— Вы танцуете и классику, и современную хореографию?

— Классику я не танцую, классика — это для молодых. Танцую только современный репертуар, и он у меня очень насыщенный. А что бы я делал в России, в Большом, если бы не уехал? Не знаю, наверное, ничего, ведь мне сорок лет, а на пенсию балетные артисты уходят в тридцать восемь. Так что сидел бы без работы.

— А в Сан-Франциско график напряженный?

— Да. В год труппа выпускает три-четыре новые постановки. В конце августа я начинаю ставить новый балет. Потом у нас начнутся гастроли, затем репетиционный период. В декабре пойдут "Щелкунчики". А с конца января и по май будем показывать восемь балетных программ. Спектакли идут каждый день, в субботу и воскресенье два спектакля. Программы меняются каждые две недели. На Западе я понял, что артисту балета не нужно себя жалеть, а необходимо больше работать. Да и по жизни чем больше отдаешь, тем больше к тебе и приходит. Жалеть себя, чаще отдыхать — это неверный путь.

— Но как же без отдыха? Ведь артист балета — это тело, которому нужен и отдых, и внимание, и особая забота.

— Раньше я тоже так считал. Когда работал в Большом театре, то за неделю до спектакля уже начинал отдыхать, боялся перетрудиться, но в западных труппах все иначе. До пяти вечера ты занимаешься, репетируешь, а в семь у тебя уже спектакль, и никаких поблажек. И ничего, мое тело выдерживает этот ритм.

— А как строятся отношения между артистом и руководством труппы на Западе? Где танцовщик более независим: там или здесь?

— Здесь. На Западе контрактная система, поэтому артист должен отработать его по всем пунктам, независимо, звезда ты или просто солист. В России же порой артист-звезда диктует свои условия администрации. На Западе это невозможно. Тебе сказали, и ты должен делать то, что от тебя требует руководство.

— А как же Нуреев?

— Не будем вспоминать Нуреева, Макарова, Барышникова. Это отдельная страница в истории балета. Сейчас другие времена, и многое изменилось в балетном мире. Скажем, если раньше балетный конкурс становился событием, то теперь любой конкурс не представляет собой ничего исключительного. И если когда-то конкурсанты, получившие Гран-при или "золото", сразу приглашали в те-

атр, то теперь совсем необязательно, что отмеченного высшей конкурсной наградой молодого артиста обязательно возьмут в труппу. Он точно так же, как и все, должен пройти через показы. Мир поменялся. Вообще, на Западе устали от русских артистов, поэтому не спешат их приглашать. К тому же крупным театрам нужны несколько другие артисты, ведь поменялась балетная эстетика. Теперь артист балета должен справляться не только с классическим репертуаром, но и владеть техникой современного танца.

— Вы родились в Луганске, а как оказались в Москве, в хореографическом училище?

— Да, я родился в Луганске, но так как мой отец военный, то мы много ездили по стране, жили за рубежом, а потом уже в Москве я начал заниматься в различных танцевальных кружках при домах пионеров. Один из педагогов сказал, что у меня есть данные и мне надо поступать в московское хореографическое училище. Я даже не знал, что такое есть. Пришел домой, объявил родителям, что хочу поступать в хореографическое училище. Я благодарен им, что они не стали меня отговаривать, ведь балетное искусство было от них очень далеко, а, наоборот, помогли, поддержали. Кстати, во время конкурсных испытаний со мной произошел один смешной случай. На третьем туре надо было что-нибудь сплясать. Я вышел на середину зала, передо мной комиссия, в центре Софья Николаевна Головкина, аккомпаниатор заиграл, я начал свой танец, но потом остановился и попросил пианиста изменить темп. Мне, девятилетнему мальчишке, не понравился темп! Вся комиссия хохотала.

Юрий Посохов: "До тридцати лет я вообще не думал о деньгах, жил только танцем"

— А ваша первая серьезная партия в Большом театре?

— Я получил ее случайно. Во время гастролей Большого в Польшу за два часа до начала балета "Наяда и рыбак" выяснилось, что заболел главный исполнитель Михаил Цивин. Юрий Николаевич Григорович спросил меня, готов ли я заменить Цивина в "Наяде", я согласился. Потом в Лондоне я уже танцевал "Шопениану" с Натальей Бессмертной, а было мне тогда двадцать два года. Но решающей стала встреча с Людмилой Семенюк, главным моим педагогом и партнершей. Она ввела меня в свои спектакли — "Лебединое озеро", "Жизель", "Ромео и Джульетта".

— И как вы с ней сработались, ведь Людмила Ивановна отличается неуравновешенным, взрывным характером?

— Легко, наверное, потому, что очень разные. Многие говорили, что с ней трудно, но у меня уживчивый характер. Люди должны быть разными, если бы она была таким же флегматиком, как я, то что бы было на сцене!

— Как родилась идея создать балет, в основе которого творчество Рене Магритта?

— Идею постановки мне подсказали, когда я еще работал в датском балете, Нина Анианишвили и ее муж. Потом в Дании прошла выставка Магритта, затем в один из моих приездов в Москву я вновь попал на выставку Магритта, а через какое-то время снова Магритт, на этот раз в Сан-Франциско. Я подумал: наверное, это знак. И решил, что пора ставить балет. "Магриттомания" вошла в один из балетных вечеров, которые придумал Хельги Томассон, он назывался "Программа открытий". Томассон пригласил трех молодых ребят со стороны, а мне и еще двум артистам труппы дал возможность поставить собственные композиции. "Магриттомания" получила премию Айседоры Дункан. Это было для меня такой неожиданностью, первый балет — и вдруг премия. Было даже как-то неловко, я вообще относился к себе очень спокойно. А самое странное, что после премьеры даже не могу вспомнить, как я ставил. Смотрю балет, и мне кажется, что все это сделал не я, а кто-то другой.

— Во время репетиций кричите на артистов?

— Нет. Могу уйти с репетиции, если мне что-то не нравится, но чтобы кричать — никогда.

Третьего сентября Большой театр открывает свой 229-й сезон. Каких-то громких скандалов и сенсаций в области балета пока не просматривается. Но кое-какой переполох в том, что здесь происходит, все же есть.

НОВЫЙ СЕЗОН
В БОЛЬШОМ — ПОКА
БЕЗ СКАНДАЛОВ

Но не без перца

Главная скандалистка — АНАСТАСИЯ ВОЛОЧКОВА, с недавнего времени ставшая примой Краснодарского балета, возглавляемого Юрием Григоровичем, — в Большом поухлила. Ведущие партии ей не доверяют, в престижные зарубежные гастроли не берут. Хотя Григорович и утверждает, что делает из нее суперзвезду, только на каких сценических подмостках эта стар будет танцевать? В Ковент-Гарден или Гранд-Опера ее пока не зовут. Остается один Краснодар.

Случилась в Большом и некая "рокировка" по части того, кто есть балерина номер один. В ноябре театр провозгласил первой и единственной СВЕТЛАНУ ЗАХАРОВУ, которую переманил из Мариинки. В этом статусе Захарова продержалась недолго, где-то до весны. А уже перед гастролью в лондонском Ковент-Гардене театр вновь стал раскручивать МАРИЮ АЛЕКСАНДРОВУ, объявив ее ведущей балетной звездой театра.

Что до гастролей Большого в Ковент-Гардене, их можно было бы назвать успешными, если бы не провал балета "Ромео и Джульетта" в постановке молдавского хореографа РАДУ ПОКЛИТАРУ. Лондонская критика категорически не приняла этот вымученный эксперимент, построенный на сплошных заимствованиях. "Кол" — вот та оценка, которую критики поставили спектаклю. И то только потому, что в нем танцевала Александрова, сумевшая вдохнуть в это мертворожденное дитя слабую жизнь, а так вообще был бы "ноль".

Наступающий сезон — это, конечно, и новые постановки. Нельзя сказать, что бы тут у театра было планов громадье, но кое-что ожидается.

Главная приманка сезона — один из лидеров мирового балетного театра, глава Гамбургского балета Джон Ноймайер.

Хореограф яркий, элегантный, смелый. Чего стоит хотя бы одна из его последних постановок — балет "Смерть в Венеции", посвященный гомосексуальной любви. Но для Большого театра подобные "голубые" откровения, естественно, чересчур, надо еще немножко подрасти. Поэтому мудрый Ноймайер воссоздает здесь свой давний балет "Сон в летнюю ночь" (1977 год) на музыку Мендельсона-Лигети. Балет красивый, а что самое важное — хорошо соотносится с балетными традициями Большого. Если Ноймайер лично поработает с артистами, а не перепоручит постановку своим ассистентам, то "Сон в летнюю ночь" станет не просто сном, а сном волшебным.

Отметится в наступающем сезоне и хит балета Большого Алексей Ратманский. Он будет ставить балет Дмитрия Шостаковича "Болт". У этого спектакля, как, впрочем, и у других балетов Шостаковича, печальная судьба. Балет, поставленный в 1931 году в Ленинграде, продержался в репертуаре всего два месяца. И больше не ставился никогда. Правда, на протяжении последних лет тридцати Юрий Григорович обещал вернуть спектакль к жизни, но дальше обещаний дело не шло. И вот теперь — самое пикантное: Мариинский театр объявил, что Юрий Григорович все же поставит балет Шостаковича в Мариинке. И, значит, появится сразу два "Болта": один в Москве, другой в Петербурге.

Что касается самого балета, то он рассказывает о жизни советского завода и густо населен всевозможными персонажами: здесь и секретарь комсомольской ячейки, и бригадир ударной бригады, и директор завода, и хулиган Ленка с приятелями, а также масса других колоритных фигур: рабочие, пионеры, комсомольцы, красноармейцы, уборщицы, богомолы... и даже некая Опара — сиделка в пивной. Есть над чем поработать хореографу с чувством юмора.

Алексей Ратманский, ранее с успехом поставивший "Светлый ручей" Шостаковича, по всей видимости, с "Болтом" вновь одержит победу, поскольку умеет соединять ретро с юмором и не очень озадачиваться сюжетным пафосом.

Завершится сезон премьерой одноактных балетов Леонида Мясина — "Треуголка" (музыка Мануэля де Фальи), "Предназначение" на музыку Пятой симфонии Чайковского и "Парижское веселье" (музыка Жака Оффенбаха). Интересно будет увидеть балеты того, кого разглядел в 1914 году в кордебалетной толпе Сергей Дягилев.

Вскоре после этого Мясин на некоторое время становится интимным другом Дягилева и хореографом его балетной антрепризы. Интересно еще и то, что балеты Мясина у нас в стране никогда не ставились. Но еще интереснее та трагическая история, которая траурным шлейфом тянется за постановкой "Треуголки". Помогал ставить Мясину "Треуголку" испанский танцовщик Феликс. Этот неистовый андалузец потряс Дягилева и его окружение в 1917 году, когда они увидели его танцующим на одной из площадей Севильи. Дягилев пригласил Феликса к себе в антрепризу, чтобы танцовщик обучал испанским танцам Мясина, а также исполнил в "Треуголке" фаруку...

Премьера "Треуголки" состоялась в Лондоне в 1919 году. По городу расклеили афиши, но на них значилось только имя Мясина. На Феликса это произвело такое впечатление, что, придя на премьеру, он лишился рассудка, выбежал из театра, вломился через окно в церковь на Трафальгарской площади и в алтаре стал танцевать свою фаруку... Свою жизнь Феликс закончил в сумасшедшем доме.

Помимо премьер ожидается и участие в отдельных спектаклях театра выдающихся артистов мирового балета. Так, в четырех балетах Большого должен выступить международная звезда Владимир Малахов.

Владимир КОТЫХОВ.

ИНОГДА
ОНИ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ

